

FANTASTIKA

Rob J. Hayes

THE HERESY WITHIN

St. Petersburg
Fantastika Book Club Publishers
2014

Роберт Хейс

ЕРЕСЬ ВНУТРИ

Санкт-Петербург
«Издательство Фантастика Книжный Клуб»
2014

УДК 82/89
ББК 84.4 Вл
Х 35

Rob J. Hayes
The Heresy Within
Copyright © 2013 by Rob J. Hayes

All rights reserved

Перевод с английского Алексея Апанасевича

Художественное оформление
Александра Золотухина

ISBN 978-5-91878-108-1

© «Издательство Фантастика
Книжный Клуб», 2014

*Моему отцу,
который поддерживал меня даже тогда,
когда не должен был;
моей матери,
которая верила в меня даже тогда,
когда не верил я сам.*

Часть первая
ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Арбитр

— *С*жечь их всех!

Танкуил попытался подавить вздох, но не сумел.

— Хотите что-то сказать, арбитр Даркхарт¹?

— Нет, арбитр Прин, — с улыбкой ответил Танкуил. Долговязый Прин взирал на него пустыми глазами. Опасный человек, которому не следует переходить дорогу, а у Танкуила не было ни малейшего желания наживать себе новых врагов в Инквизиции. — Я лишь считаю, что нет настоящей необходимости сжигать их. — Слова сорвались с губ Танкуила прежде, чем он успел сдержать их.

Лицо Прина исказила ярость, тонкие губы растянулись в злобном оскале, а на лбу проступили бисеринки пота. Он сделал несколько шагов вперед, и Танкуил почувствовал себя неуютно: с такого близкого расстояния этот человек выглядел еще уродливее.

— Ты здесь главный, арбитр Даркхарт? — Горячее кислое дыхание било в лицо Танкуилу, а гневный взгляд Прина впивался в его глаза.

— Нет, арбитр Прин, — повторил Танкуил, стараясь смотреть вниз, в сторону — куда угодно, лишь бы не на

¹ Darkheart — темное сердце (англ.). — *Здесь и далее примеч. пер.*

престарелого арбитра, бесцеремонно вторгшегося в его личное пространство.

— Почему ты оказался здесь? — Голос у Прина был низкий; слишком низкий для столь худого человека.

— Проездом по пути в Сарт, — промямлил Танкуил. — Я подумал, что смогу помочь...

— Разве похоже, что мне нужна помощь, арбитр Даркхарт? — Снова это обжигающее дыхание со странными нотками ванили.

Танкуил окинул взглядом собравшуюся толпу. Сплошь испуганные лица, сразу же опускающиеся долу глаза — лишь бы не привлечь внимания арбитра. Солдаты — одни с мечами, другие с пиками, все в черно-голубой форме Сарта. И семья, привязанная к столбам в центре городской площади. Их было четверо. Мать кричала. Отец выглядел одновременно обозленным и испуганным, но плакать себе не позволял. Дочь, едва достигшая зрелости, пронзительным визгом молила о прощении за что-то и раз за разом выкрикивала одно имя — кажется, Аркус. Точно Танкуил не расслышал, да его это и не заботило. Четвертым же членом семьи был маленький мальчик, не старше пяти лет от роду. Он казался скорее сбитым с толку, нежели напуганным.

Прин проследил за взглядом Танкуила и фыркнул:

— В чем дело, Даркхарт? Воспоминания нахлынули?

Танкуил изобразил самое грозное выражение лица, на которое был способен, и вперил взгляд в стоящего перед ним человека.

— Да, арбитр Прин, похоже, тебе нужна помощь. Но не та, которую я мог бы оказать. — Одним пальцем он коснулся своей головы, довершая выпад.

Танкуил понимал, что говорить такое мелочно и глупо, но, черт подери, до чего же приятно!

Арбитр Прин фыркнул еще раз, развернулся и двинулся к привязанному семейству. Танкуил хотел было

8 вдохнуть с облегчением, но в этот раз сдержался. Спо-

речь дальше было бессмысленно, хотя, конечно, сжигать заживо целую семью — это уже слишком. Просто отрубить головы — ничуть не хуже, причем безо всякого смрада горящей плоти, от которого, в чем арбитр успел убедиться на собственном опыте, чертовски сложно отстирать одежду.

Танкуил засунул руки в карманы грязного коричневого плаща, смирившись с неизбежностью сожжения. Он не хотел доставить Прину удовольствие, уйдя до окончания казни.

В правом кармане Танкуил что-то нащупал. Что-то металлическое, размером меньше монеты, но толще и с выступом на одной из сторон. Даркхарт понятия не имел, откуда эта вещица взялась, у кого он ее украл, когда и где. Он постоянно находил подобную мелочевку у себя в карманах. На этой, похоже, была какая-то гравировка. Он провел по ней мозолистыми пальцами и узнал изображение: меч в середине, над ним солнце, испускающее вниз единственный луч света. Пуговица арбитра. Танкуил опустил глаза и осмотрел свой коричневый плащ. Все восемь пуговиц были на месте. Тогда он перевел взгляд на одеяние Прина — точно такой же плащ, только чуть длиннее и куда более грязный. Две пуговицы отсутствовали. Танкуил ухмыльнулся — он не собирался отдавать вещь обратно. Маленькими победами, как однажды сказала ему инквизитор Герон, можно одолеть даже величайших людей. А арбитр Прин великим уж точно не был.

Танкуил вытащил руки из карманов и запустил пальцы в спутанные сальные волосы. Они снова отросли, теперь почти закрывая уши, и начинали виться. Затем он потер щетину на подбородке, которая вскоре превратится в настоящую бороду. Нужно будет побриться. Наконец Танкуил принялся щелкать суставами пальцев. Раз уж Прин собрался сжечь этих людей, то ему ничего другого и не оставалось.

— Охотники на ведьм! Кровопийцы! — раздался крик из толпы.

Прин резко повернул голову в поисках кричавшего, его пустые глаза выкатились из темных глазниц, а губы искривились в устрашающей усмешке.

— Черт, — вздохнул Танкуил и с успокаивающим жестом обратился к Прину: — Занимайся своим делом. Я разберусь с недовольными.

Арбитр Прин отвернулся, а Танкуил двинулся к толпе. Солдаты в грязной форме и с пиками разошлись в стороны, пропуская его.

— Кто это сказал? — бросил в толпу Танкуил.

— Я, — ответил какой-то старик.

Седые волосы обрамляли его обветренное лицо. Казалось, он сам удивился собственному признанию. В его глазах застыли слезы.

— Ты их знаешь? — спросил Танкуил, хоть задавать вопросы ему и не нравилось.

— Это мой мальчик со своей семьей. Они не сделали ничего плохого.

— Сделали, — твердо заявил Даркхарт. — В противном случае они не стояли бы здесь. Ересь принимает разные обличья. Их допросили и признали виновными. Теперь они понесут кару за свое злодеяние.

— Все вы, охотники, одинаковые. Вам наплевать...

Танкуил стремительно схватил старика за куртку и притянул к себе. Арбитр не отличался высоким ростом, но сейчас, казалось, навис над несчастным.

— Осторожнее со словами, старик. Мы не одинаковые. Арбитр Прин, например, велел бы высечь тебя за то, что ты назвал его «охотником на ведьм». Скажи спасибо, что я более снисходителен.

Закончив, он с силой оттолкнул человека — тот рухнул на землю, заскулив от боли. Никакого удовольствия Танкуилу это не доставляло, но он не мог позволить кому-либо дерзить. Дай волю одному — и скоро к нему присоединятся остальные.

— Мы — арбитры, — зашипел на толпу Танкуил, — и поступаем, как велит нам Инквизиция.

Его взгляд скользил по лицам близстоящих людей, и каждый старался спрятать глаза. Затем, чувствуя от-

вращение к себе, Танкуил развернулся и зашагал в сторону Прина.

— Он легко отделался, арбитр Даркхарт, — низким голосом произнес Прин.

Маленький мальчик, привязанный к огромному столбу, смотрел на Танкуила усталыми, спокойными глазами. В них не было страха, не было гнева. И вдруг мальчик улыбнулся, всего лишь мимолетными движением, уголками губ. Но Танкуил увидел то же, что и Прин, то, что обрекло на смерть всю эту семью. Тьму.

— Заканчивай, Прин, — рыкнул Даркхарт, не в силах отвести глаза от зла, которое он узрел в ребенке, — жутко видеть скверну в столь юном создании.

Прин сделал глубокий вдох. Его голос зазвучал неестественно громко:

— **ДА БУДУТ ПРЕДАНЫ ЭТИ НЕЧЕСТИВЫЕ ТЕЛА ОЧИЩАЮЩЕМУ ОГНЮ!**

Факел арбитра вспыхнул — зрелище, от которого даже самые напыщенные и склонные к драматизму барды вздохнули бы с благоговейным трепетом, — и Прин опустил его сначала к горке дров под ногами отца, затем — матери, после к костру дочери и, наконец, к тому, на котором ждал своей участи сын. Всего лишь мгновение — и пламя занялось, жадно пожирая дерево, разгораясь все ярче и жарче с каждой секундой, стремясь поглотить все.

Спустя немного времени раздались вопли. Танкуил отступил на пару шагов и стал смотреть на происходящее с выражением мрачной решимости на лице. Прин присоединился к нему.

— Я все еще считаю, что хватило бы и обезглавливания. — Танкуил понизил голос до едва слышного шепота.

— Не для мальчика.

Танкуил ненадолго умолк. Длившиеся, казалось, целую вечность крики стихли, но пляшущее пламя костров лишь продолжало разгораться.

— Возможно, ты и прав, — наконец произнес он.

Никогда прежде ему не доводилось видеть таверну настолько пустой. Казалось, даже крысы старались обходить стороной это место. Танкуил выбрал темный угол, не желая привлекать внимания, Прин последовал за ним. Два часа они просидели молча, и Танкуил не мог сказать, что его радует такая компания. Посетители заглядывали и немедленно уходили прочь, едва завидев двух арбитров, сидящих в углу подобно теням смерти, ожидающим своих жертв. Владелец заведения не скрывал огорчения. В любой другой вечер у него было бы полно работы, но сегодня он обслуживал лишь двух мрачных гостей. Прин уже два часа пил свой эль. Хорошо хоть Танкуил заказал уже четвертую кружку.

— Стало быть, держишь путь в Сарт? — спросил Прин.

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Танкуил засомневался, не послышалось ли ему. Но Прин, со своим худым бледным лицом и в грязно-коричневом плаще без двух пуговиц, смотрел на него. Танкуил покопался в кармане и нащупал пуговицу арбитра, подумывая вернуть ее, но в конце концов решил этого не делать.

— Да.

Он собирался добавить что-нибудь еще, но ничего не приходило в голову, поэтому он быстро глотнул еще эля, чтобы заполнить паузу.

— Когда ты в последний раз был в столице?

— Три года назад, — Танкуил молился, чтобы Прин заткнулся, а лучше — вообще убрался прочь. — Около того.

— Там мало что изменилось.

— Не считая бога-императора, который всем заправляет.

— Ты не был на его коронации? — снова спросил Прин.

Похоже, он принадлежал к тому типу арбитров, которые любят задавать вопросы. Как будто его напористость могла подействовать на Танкуила.

- Нет, не был.
- Но разве не ты...
- Да, я.
- Хм...

Запас вопросов у Прина, видимо, иссяк. Танкуил поначалу возблагодарил за это Бога, но, осознав иронию, чуть не рассмеялся.

— До Сарта неделя пути. — В тишине таверны низкий голос Прина казался оглушительным. — Нужна компания в дорогу?

- Нет.
- Речь не обо мне.

— А жаль, — закатил глаза Танкуил, — мне уже начало нравиться твое общество.

Он прикусил язык, чтобы не сболтнуть что-нибудь еще, и встретился взглядом с Прином: в глазах собеседника читалась открытая враждебность.

- Прошу прощения, арбитр. Итак, не ты...
- Девочка. Я нашел ее месяц назад в приграничной деревне. Она способная.

Танкуил сунул руку в карман и покрутил в пальцах пуговицу.

— Она пробыла с тобой месяц и до сих пор не устроила самосожжение? Я удивлен.

Опять последовал злобный взгляд, но в этот раз Танкуил решил обойтись без извинений.

— Она еще ребенок, — произнес Прин почти шепотом. — Ей нет и десяти. Хотелось бы думать, что ты лучше других понимаешь, Даркхарт.

Танкуил выудил пуговицу из кармана, причем так, чтобы Прин точно ее увидел, а потом подбросил в воздух, поймал и сунул обратно.

— Хорошо. Я сделаю это, Прин. Я отбываю завтра на рассвете. Убедись, что она готова к путешествию.

Арбитр Прин коротко кивнул, а затем, криво улыбувшись, встал из-за стола и двинулся к выходу. За свой эль он не заплатил.

Рассвет застал Танкуила ожидающим возле таверны. Его невысокая гнедая кобыла смотрела на него с по-нурым видом, вероятно, гадая, зачем было вытаскивать ее из стойла, если они просто стоят и ждут. Танкуил думал так же. Вещи уже давно были собраны, и он мог спокойно уехать, предоставив Прину самому доставить девочку Инквизиции. Но если он возьмет девочку с собой, арбитр будет ему обязан, а это уже неплохо.

Прин явился, ведя за собой малышку. Она была совсем крошкой, с гладкой кожей и блестящими глазами. Спутанные белокурые волосы спадали ей на плечи. Она спешно семенила за арбитром, бросая мимолетные взгляды по сторонам каждые несколько шагов, но по большей части глядя в землю.

— Извиняюсь за опоздание, — пробубнил Прин. Он где-то раздобыл две новые пуговицы и пришел их к плащу. — Это арбитр Даркхарт, — сказал он девочке. — Представься.

— Доброе утро, сэ, — тихим и мягким голосом залепетала она, — меня зовут...

— Меня это не интересует, — оборвал ее Танкуил и повернулся к Прину. — Она пойдет пешком.

— Хорошо, она справится.

Танкуил смерил девочку взглядом. У нее ничего не было, лишь лохмотья, кое-как заменяющие одежду, да пара крепких на вид сапог. А еще на шее блестела серебряная цепочка — должно быть, какое-то памятное украшение.

— Ты должен мне, Прин, — сказал Танкуил, но в ответ получил лишь ужасающую ухмылку.

Тогда он развернулся и пошел прочь. Девочка поспешила за ним.

Черный Шип

Нрислонившись к каменной стене, Бетрим рассматривал таверну. Это было неприметное здание из трухлявого, гнилого дерева, высотой в два этажа, с парой распахнутых

ставен; на первом расположились бар и кухня, на втором — несколько спальных комнат. Бетриму доводилось бывать в местах и похуже. Там он напивался, находил работу и нарывался на неприятности. Такая вот жизнь.

Он ждал, прислонившись к стене и время от времени переступая с ноги на ногу. Двум парням, составлявшим ему компанию, вынужденное бездействие, похоже, не нравилось. Зеленый нервно расхаживал взад-вперед, поглядывая на улицу, желая то ли первым заметить цель, то ли выдать их укрытие. Именно поэтому его все и звали Зеленым — в игре он был новичком, а новички редко выдерживают долго. Так что запоминать его настоящее имя не было никакого смысла. Мослак¹ сидел на земле, скрестив ноги, и лоскутом коричневой ткани чистил свои кости. Бетриму приходилось признавать, что у него была поистине впечатляющая коллекция трофейных костей. Впрочем, не настолько впечатляющая, чтобы убивать его. По крайней мере пока.

— Эй! — шикнул на Зеленого Бетрим. — Уберись с долбаной улицы!

Зеленый презрительно сверкнул глазами и неспешно побрел к Бетриму. Для юнца Зеленый был понастоящему мерзким типом, у которого на лице читалось, как ему нравится калечить людей. И убивать их. Бетрим же, в свою очередь, был готов поставить на то, что Зеленый еще ни разу никого не убил. И поставил бы, будь у него хоть грош.

— А че это ты мне указываешь, где мне быть? Ты тут не главный! — шагая вразвалочку, огрызнулся Зеленый.

Бетрим ничего не ответил, а лишь медленно коснулся рукой кинжала, спрятанного в одном из множества карманов плаща. Парни вроде Зеленого в этой игре долго не живут.

Мослак вскочил на ноги и оказался точно между Бетримом и Зеленым, возвышаясь над обоими. Он покачал головой:

¹ *Мослак* — большая, выступающая кость.

— Здесь нет главного, но это не умаляет его правоты, Зеленый. Тащи сюда свою задницу. Шустрый даст знать, когда пора будет двигаться.

Зеленый замер на месте, продолжая буравить взглядом Бетрима, фыркнул, а затем харкнул, сплюнув мокроту на землю. Приземлилась слизь дюймах в трех от сапога Бетрима. Мослак вздрогнул. Парню повезло, что он промахнулся. Бетрим только-только раздобыл эти сапоги, сняв их с упившегося в хлам матроса, и они были из чертовски хорошей кожи. Моряк так наакался, что даже не смог нормально драться, — чтобы уложить его, Бетриму хватило одного удара.

Мослак водрузил здоровенную ручищу на плечо Зеленому и резко развернул его, уводя чуть в сторону. Юнец еще раз глумливо фыркнул, косясь на Бетрима.

— Слушай, парень, — сказал Зеленому Мослак, — ты новенький в этой игре и в этой команде, поэтому я, так и быть, поделюсь с тобой капелькой житейской мудрости. Или опыта — называй как хочешь.

— Что?

Мослак вздохнул.

— Никогда не зли Черного Шипа.

Зеленый еще раз посмотрел через плечо, ухмылка моментально исчезла с его лица, сменившись беспокойством или даже страхом. Бетрим никогда не утруждался определением разницы.

— Это не он, — сказал Зеленый Мослаку.

— Это он.

— Вот дерьмо.

— Ага. — Мослак снова сел и осмотрелся в поисках своей замусоленной тряпки. — И пусть не он главный — это правда. Не зли его.

Кто-то в такой момент непременно оскалился бы, продемонстрировав Зеленому почти полный набор уже далеко не белых зубов. Кто-то хорошенько припугнул бы не в меру борзого мальчика. Но Бетрим Торн¹ был не из таких. Он просто продолжил наблюдать за таверной.

Его потянуло на размышления, нахлынули воспоминания о доме. Бетрим полагал, что во всем виноват соленый воздух. Не сказать, чтобы он был очень приятным. От него жгло глаза, пересыхало горло, а кожа вся становилась такой... соленой. Воспоминания о доме тоже не доставляли удовольствия — никого, кроме призраков, там не осталось.

Тогда Бетрим решил, что ему определенно не нравятся портовые города. Хотя вряд ли Коррал можно было в полной мере назвать городом — скорее большим скоплением трухлявых деревянных лачуг и редких более пристойных каменных домов, собравшихся вокруг гавани, словно рой мух вокруг свежей кучи дерьма. Тем не менее Коррал имел все основания зваться одним из свободных городов. Это значило, что он не принадлежал ни одному королевству, и, по мнению Бетрима, такое положение дел мало чем отличалось от «полной задницы». Коррал раскинулся у южной границы Диких Земель, с которыми никакое королевство не хотело связываться — хлопот не оберешься. Впрочем, он все равно оставался хорошим местом, чтобы напиться, найти работу или нарваться на неприятности.

Зеленый прильнул к стене в шаге от Бетрима и теребил буравил его взглядом.

— Это действительно ты? Черный Шип?

— Да, — ответил Бетрим, все еще держа одну руку над потайным кармашком, а другую положив на рукоять топора.

Он не считал, что Зеленый попробует что-либо предпринять, но все равно слишком уж часто находились смельчаки, пытавшиеся снискать славу убийством Черного Шипа. Будь Бетрим осторожнее в последний раз, он, быть может, сохранил бы девять пальцев. И еще пару зубов. И нос был бы не таким кривым.

— Ты правда сделал это? — задал новый вопрос Зеленый.

— Сделал что?

— Ну, убил всех пятерых?

— Шестерых.

— Что?

— Я убил шестерых. Все всегда забывают о первом.

— Черт! — Недоверчивая усмешка Зеленого сменилась чем-то похожим на благоговение. Бетрим понял, что предыдущее выражение его устраивало больше. — Это так ты получил свой ожог?

Бетрим провел тремя оставшимися на руке пальцами по левой стороне лица. Мягкая кожа там, где должна быть жесткая, морщинистая там, где должна быть щетина, покрытая рубцами там, где должна быть гладкой, натянутая там, где ей положено уже висеть. Ожог был вроде и не очень большой, но на не самом крупном лице он казался огромным.

— Да. Четвертый постарался.

— Ого!

— Я тебе говорил не злить его? Так вот, забыл добавить: задницу ему лизать тоже не стоит, — засмеялся с земли Мослак.

Из-за поворота, словно ураган, вылетел Шустрый и тут же резко остановился. Ублюдок даже не запыхался. Он скалился от уха до уха всеми белоснежными тридцатью двумя зубами. У ублюдка были чертовски хорошие зубы.

— Вы, парни, готовы?

— Ты, мать твою, как всегда, вовремя, Шустрый, — сказал Мослак, поднимаясь на ноги. — Я здесь уже себе яйца отморозил.

— Какие у тебя там яйца? Небось сморщенные ягоды, — парировал Шустрый, продолжая ухмыляться.

— Я те щас покажу какие! — Мослак потянулся к пряжке ремня, и Бетрим оттолкнулся от стены, взглядом окинув улицу.

— Все в порядке? — спросил он Шустрого.

— Ага. Стражники на лапу получили и этой ночью здесь шляться не будут. Босс и Генри уже внутри, ждут нас.

— Как мило с их стороны, мать твою, — низко взвыл Мослак. — Мы, значит, сидим здесь, на холодине, а они там крепкую потягивают.

— Они могут позволить себе выпивку, — проворчал Шустрый.

— Хорошо им, — сказал Мослак и легонько ткнул Бетрима локтем в ребра. — Они уже здесь?

— Нет.

— Скоро должны быть. Я их не сильно опередил, — раздался за их спинами голос Шустрого, который занял место Бетрима у стены.

Черному Шипу это не понравилось, но он промолчал.

— Как ты собираешься провернуть дело? — спросил Мослак.

— Бросим монетку? — предложил Бетрим.

— У тебя есть?

Бетрим что-то буркнул и повернулся к Зеленому:

— Дай монетку, парень.

— Зачем?

— Просто дай, и все!

Зеленый заворчал, но сунул руку в карман и вынул оттуда бронзовую монету. Несколько мгновений он смотрел на нее, а потом шлепнул в выжидающе протянутую пятипалую ладонь Бетрима.

— Орел или решка? — спросил Бетрим.

Мослак покосился на Черного Шипа.

— Решка.

Монетка подлетела в воздух, закрутилась, поблескивая в тусклом свете фонарей, и упала обратно в руку Бетрима. Мослак нетерпеливо уставился на нее.

— Вот дерьмо!

— Всегда ставь на орла, — усмехнулся Бетрим и спрятал монету в карман.

— Эй, погоди...

— Заткнись уже, Зеленый! — рыкнул Мослак. — Они здесь.

На улице показались восемь мужчин. Шестеро из них были крепкими бугаями, которые явно хорошо знали, как вести себя с непрошеными гостями. Еще один был куда мельче, хорошо одет и шел первым. Восьмой же двигался в центре группы, закутавшись в черный плащ и укрыв голову капюшоном. Похоже, никто не опасался засады — все спокойно и неторопливо направлялись к таверне. Вот только за голову того, что в капюшоне, была назначена награда. И награда достаточно привлекательная, чтобы Босс согласился на большой риск. Группа безо всякой спешки скрылась в таверне.

— А вот и они, — сказал Мослак, в предвкушении потирая руки. — Пять минут?

— Вроде того, — согласился Бетрим.

— Отлично. Зеленый, ты останешься снаружи. Следи за дверями и мочи любого, кто попытается войти. Шустрый...

— Да-да, я возьму на себя окно.

Шустрый двинулся к таверне, на ходу снимая с плеча лук и поглаживая пальцами колчан стрел, словно юную прелестницу. Что-то в этом зрелище вызвало у Бетрима отвращение.

— А почему я должен оставаться снаружи? — недовольно насупился Зеленый.

— Потому что мы с Черным Шипом на этом собаку съели. Ты с нами впервые, вот и стой на стреме.

Зеленый заворчал, но спорить дальше не стал. Каждый знал свое дело, и теперь им оставалось только ждать.

— АХ ТЫ СУКИН СЫН! И ЭТО ТЫ НАЗЫВАЕШЬ УДАРОМ?!

Мослак всегда любил драматизм. По сравнению с ним Бетриму не хватало пылкости. Или же желания получить по морде.

Мослак влетел в таверну через двери спиной вперед, чудом сделал несколько шагов, а затем, не удержавшись, рухнул на пол, попутно перевернув стол. Двое

сидевших за ним мужчин вскочили с кресел — на их лицах застыло нечто среднее между замешательством и испугом — и постарались убраться подальше от растянувшейся на полу огромной брюзжащей груды мяса.

Секундой позже в дверях показался Бетрим. Каждый его шаг по направлению к Мослаку сопровождался низким гортанным ревом. Все глаза в таверне устремились на него — стало быть, отвлекающий маневр удался.

— Золотые сиськи Пельсинги, это же Черный Шип! — закричал один из восьмерки, хорошо одетый коротышка. — Он пришел за нами! Убить его!

Не самый лучший вариант развития событий, но все равно неплохо. Двое из восьми погибли прежде, чем успели подняться на ноги, — одному топор Босса раскроил череп от макушки до челюсти, а второму вспорол шею кинжалы Генри. Эта сумасшедшая сука еще и жутко скалилась, рассекая плоть. Алая кровь фонтаном брызнула на стол.

Бетрим взревел, выхватил топор и ринулся на врага. Раздался глухой стук, один из громил с удивлением нащупал внезапно впившуюся в шею стрелу, и ноги его подкосились. Лезвие топора глубоко врезалось в лицо бедолаги, отбросив тело, а самого Бетрима окатило кровью.

Он развернулся как раз вовремя, чтобы перехватить руку еще одного нападавшего с зажатым в ней тяжелым мечом. От удара в лицо Бетрима подбросило в воздух, перед глазами заиграли яркие огоньки, а во рту появился медный привкус. На него наступал бугай куда здоровее его самого. Жестко ударившись о стену, Шип все же успел заблокировать второй удар противника.

Бетрим плюнул в лицо здоровяка, со всей силы двинул закованным в металл коленом ему в промежность, а затем врезался изуродованным шрамами лбом в лицо мужика — один раз, второй, третий. Бугай отпрянул, зажимая руками превратившийся в кровоточащее месиво нос, и замер. Раздалось бульканье, изо рта показалась алая пена, а потом он просто мешком рухнул на

пол. Бетрим увидел Генри — ее уродливые губы сложились в злобную ухмылку, с лезвий кинжалов капала темная кровь.

— Чокнутая сука, — сказал Бетрим, рванувшись вперед и на ходу задев ее плечом.

В ответ Генри одарила его звериным оскалом, обнажив полный набор желтеющих, но по большей части здоровых зубов.

К этому моменту лишь двое из восьми еще стояли на ногах. Один — гигант, возвышавшийся над всеми, кроме Мослака, тоже весьма немаленького. Второй — тот самый разодетый коротышка, который опознал Черного Шипа.

— Не стой на месте! — визгливо кричал он на гиганта. — Убей их!

Здоровяк осмотрелся, понял, что шансы совсем не в его пользу, и бросил свой меч на пол.

— Черт с ним, — сказал он и поднял руки, постепенно отступая к двери.

Мослак отошел в сторону, давая гиганту пройти, но все время пристально следил за ним. Генри всем своим видом демонстрировала желание прикончить его, но держалась. А Босс в это время прокладывал себе путь к разодетому.

— Черт! — прошипел тот, опустив меч.

Босс прижал коротышку к стене, на его черном как ночь лице заиграла металлическая ухмылка. Нужно быть крутым парнем, чтобы занять полный рот металлических зубов, и Босс, как ни крути, подпадал под любые критерии крутости, считал Бетрим.

— Постой, — подал он голос и двинулся вперед. — Могу я задать ему вопрос?

Босс скосил глаза на Бетрима и пожал плечами:

— Валяй, Шип.

Бетрим смерил пристальным взглядом богато одетого мужчину, прижатого к стене. Тот явно нервничал, что в данной ситуации было вполне естественно, а его чудное одеяние покрылось темными пятнами пота.

Светлые сальные волосы прилипли к голове, а взгляд налитых кровью глаз стремительно перебежал с одного разбойника на другого.

— Как ты так быстро узнал меня? — спросил Бетрим.

— Ты смеешься, да? Эти шрамы, ожог на пол-лица... Нужно быть конченным идиотом, чтобы тебя не узнать. — Коротышка ехидно уставился на Бетрима. — Ты чем-то очень сильно разозлил Инквизицию, Черный Шип. Знал бы я, что ты здесь, обязательно доложил бы арбитру.

— Один из них здесь? В Коррале?

Разодетый хищно оскалится.

— Вот дерьмо! Он тебе еще нужен, Босс?

— Не-а, — снова пожал плечами Босс и отвернулся.

Тяжелый пятипалый кулак Бетрима с размаху врезался в лицо коротышки. Чувствовать, как ломаются кости черепа, было столь же приятно, как и слышать вопль боли, оборвавшийся, когда топор вошел в шею жертвы. Брызнула кровь, глаза выпучились, раздалось тихое шипение, и тело рухнуло на пол.

— А что с нашей целью? Тем, что в капюшоне? — спросил Босс.

— Аргх.

— Эм-м...

Генри просто пожала плечами, вытирая свои клинки о тунуку владельца таверны, в этот момент с неприкрытым ужасом таращившегося на нее.

— ВАШУ МАТЬ! — взревел Босс. — Вперед! Не убьем его — не получим награду! — Он со всех ног ринулся к двери. — Брось это, Мослак.

Мослак был занят тем, что отрезал пальцы убитых им громил. Услышав крик Босса, он сплюнул на пол и вскочил, явно раздосадованный тем, что пришлось оставить два прекрасных дополнения к коллекции.

Выбежав наружу, они увидели еще два трупа, растянувшихся на земле, — клиенты, которых в самом начале напугал Мослак. Под рукой у них не оказалось

оружия, и в потасовку они ввязываться не стали, но умерли так же, как и остальные.

— Мы их сделали. Этот здоровяк уже наострился улепетывать, когда Шустрый свалил его со спины. Тупой ублодок. Зато смотрите, что я нашел. — Зеленый держал за шею человека в капюшоне. — Цель-то наша, оказывается, сучечка!

Он толкнул жертву в сторону Босса, и она, не устояв, упала. Она была до смерти напугана, но, к ее чести, не плакала. Бетрим ненавидел звук женского плача.

Повисло неловкое молчание, все смотрели на цель их облавы, и лишь Генри, злобно сверкая глазами, шипела сквозь стиснутые зубы.

Бетрим сделал шаг вперед и присел на корточки возле девчонки. Изящное юное создание с милым личиком, она походила скорее на куклу, нежели на живого человека, и смотрела на него перепуганными глазами.

— Жаль, конечно, но вот и все. Не знаю, что ты там учудила, может, и ничего — сейчас это не важно. Возможно, ты хороший человек — уж точно лучше меня. Но суть этой игры такова, что мы плохие люди и делаем плохие вещи, а добряки обычно от этого страдают... или умирают. Нас наняли для выполнения работы, и эта работа — ты. Не буду говорить «прости» и так далее, но... Что ж.

Бетрим поднял над головой топор, и прелестные зеленые глаза девушки расширились от ужаса. Мгновением позже все закончилось. Бетрим поднял отрубленную голову и протянул ее Боссу.

— Полагаю, она еще пригодится.

— Что это вообще щас было? — спросил Зеленый.

Мослак снова положил свои огромные лапищи на плечи парня.

— Не беспокойся, малыш. Черный Шип любит поговорить, прежде чем кого-то убить.

Убежище, если его так можно было назвать, располагалось на окраине Коррала — старая деревянная хиб-

ра, которую Мослак нашел в первый же день пребывания в городе. Понятно, что под словом «нашел» подразумевалось «вышвырнул предыдущих обитателей — пару бедняков — к чертям собачьим». Итог, впрочем, все равно один — их банда нашла себе наводненное крысами и вшами укрытие в четырех стенах с кое-как латаной крышей, лишь частично защищавшей от дождя. Пока у человека есть крыша над головой, никакой дождь его не заботит, но стоит только ее убрать — и сразу же начинаются неприятности и неудобства. Бетрима всегда это забавляло.

Мослак по привычке сел на пол, заняв крупным телом сразу весь большой сухой участок, и принялся очищать от плоти новые приобретения для своей коллекции. Крысы сновали туда-сюда, таская срезанные куски мяса, и с каждым разом подбегали все ближе, увидев в Мослаке кормильца, а не угрозу.

Зеленый расхаживал по хижине, отрабатывая удары своим тупым дешевым мечом. Он даже не озаботился счистить с лезвия кровь. Люди такого рода в этой игре долго не живут.

Шустрый расселся у окна и стал повторять фокусы на ловкость рук, которым он когда-то научился у вора, попытавшегося обчистить его карманы. Казалось, процесс исчезновения золотой монеты в рукаве поглотил его с головой. Бетрим мог придумать массу способов использовать монету с большей пользой.

Внезапно дверь с грохотом распахнулась, отчего Зеленый запрыгнул на стропила и выставил меч в сторону источника звука. Босс проигнорировал это, спокойно вошел в комнату и сел на единственную имевшуюся в доме кровать. Следом появилась Генри. Закрывая за собой дверь, она окинула помещение и находящихся в нем людей полным недоверия взглядом.

— Хорошо сработано, парни, — сказал Босс, оскалившись металлическими зубами.

Генри бросила небольшой мешочек-кошель Бетриму и второй, еще меньше, Зеленому. Третий полетел в руку

Мослака, отчего растущая толпа его крысиных обожателей разбежалась кто куда, а четвертый достался Шуструму. Улучив момент, тот цепко схватил руку Генри и жадно выдохнул:

— А как насчет премии?

Генри улыбулась — улыбка эта получилась настолько милой, насколько это возможно с отвратительным шрамом, протянувшимся по щеке к губам, — и шагнула вперед, поигрывая бедрами. Прижавшись всем телом к Шуструму, она умелым движением вдавила колено ему в пах.

— Быстро и жестко, как раз как я люблю, — выплюнула она ему в лицо, а затем так грациозно, что любая кошка позавидует, пристроилась на кровать рядом с Боссом.

— А от твоих ласк, Генри, удавиться можно, — простонал Шустрый, катаясь по полу и сквозь боль давясь смехом.

По мнению Бетрима, это был лучший способ оправиться от неприятной встречи колена с яйцами. Но смеешься ты или плачешь, в такой компании слезы до добра не доведут.

— Босс, у меня проблема, — заговорил Бетрим, выбрав себе подходящий участок стены и оперевшись на него. Хороший участок, приятный. Главное — сухой.

— Арбитр! — рыкнул Босс, и его глаза ярко вспыхнули на темном лице.

— Да! — в ответ прорычал Бетрим. — Если тот тип в таверне узнал меня, другие тоже могут.

— Похоже, нам всем пора взять паузу и залечь на дно, — изрек Босс. — Наша последняя цель, судя по виду, была из чистокровных. Полагаю, ее семья может броситься на поиски тех, кто с ней так обошелся. Так что лучше нам будет избегать городов, насколько это возможно. Хорошо?

Бетрим кивнул:

— Хорошо.

Джезет любовалась рекой. Перед ее глазами вода неспешно, даже лениво, убегала вдаль. У берегов, где она билась о камни, пузырилась пена. Рыба упорно плыла в верховья, постоянно борясь с течением. Вокруг царило умиротворение, слишком редко встречавшееся в жизни девушки.

Здесь, в лесу, среди редких деревьев, одни из которых, раскинув ветви, тянулись к небесам, другие, наоборот, льнули к земле, третьи прямыми столпами рвались к горячему солнцу, а четвертые вились и закручивались в кольца, — все дышало спокойствием.

Девушка зашагала вверх по течению. Джезет знала, что выглядящая сейчас спокойной и даже ленивой река далеко впереди впадает в буйные воды Йорла, где бующие потоки сталкиваются, перемешиваются и хлещут во все стороны. Неосторожного человека Йорл мгновенно превратил бы в бесформенную кровавую массу. Она своими глазами видела такое, и ей совсем не хотелось испытать это на себе.

От журчания на лице Джезет появилась улыбка. Не слишком громкое и не слишком тихое, оно напоминало хор тысяч крошечных водопадов. И запах, этот приятный запах чистой воды, чистой земли, чистых деревьев, так разительно отличающийся от тошнотворной вони больших поселений, затянутых дымом и заваленных мусором.

«А ведь здесь женщина может начать новую, почти нормальную жизнь, Джез... Ну, если не считать диких зверей и залетных бандитов». — Джезет старалась не думать о них, предпочитая сосредоточиться на более приятных мыслях. Вспомни бандитов — и они тут как тут. С драками точно так же. Жаль только, от мыслей о деньгах их больше не становится.

Вдруг она увидела рядом с деревом нечто, напрочь выбивающееся из общей картины, — зазубренную полосу ржавого металла, наполовину торчащую из земли.

Старый меч. Не оставалось сомнений: когда-то давно этот лес стал местом славной битвы. Битвы вообще везде преследовали человека, куда бы он ни сунулся. Джебзет повидала немало сражений, но ни одно из них «славным» назвать было нельзя. Она давно уже поняла, что любой бой — это лишь месиво, боль и кровь. Тем не менее осмотреть меч вблизи все же не помешало бы.

Джебзет двинулась к древнему оружию. Но, проходя мимо огромного дуба, она услышала какой-то звук. Возможно, птица зашуршала в кустах — черт знает, сколько здесь этих птиц, — но...

«Всегда будь настороже. Лучше подготовиться и ошибиться, чем расслабиться и умереть».

Девушка остановилась у старого меча и легонько толкнула его ногой. Все еще крепкий, хотя из-за ржавчины уже явно не пригодный для использования. Джебзет огляделась, будто высматривая другие артефакты, но на самом деле изучая деревья и кусты в поисках источника звука. Ничего. Это самое «ничего» всегда заставляло ее нервничать больше, чем что-либо другое. «Ничего» обычно таит в себе нечто, тогда как что-то явное может на деле оказаться ничем.

Джебзет крепче затянула лямки заплечного мешка и пошла прочь от реки. В это время года на деревьях уже не оставалось листьев, все они, мертвые и гниющие, устилали сухую землю. Если кто-то решит преследовать ее, ему будет очень трудно оставаться незамеченным. Трудно, но все же возможно.

Не пройдя и десяти шагов, она услышала кое-что еще — словно чьи-то мягкие лапы топчут листву. Этого ей вполне хватило, чтобы все понять. Какой чудесный конец для Джебзет Вель'юрн — быть разодранной на части стаей диких собак в лесу в одиночестве. Никто не прольет ни слезинки. Никому даже дела не будет.

«Черт, а ведь могло быть хуже, намного хуже...»

— Опасно дамочкам здесь одним разгуливать, — раздался голос откуда-то спереди.

«Бандиты...»

Говоривший вышел на свет из-за большого дерева всего в десяти шагах от Джеззет, у его ног замер, тарасясь на девушку, крупный серый волк. Мужик оказался высоким, тощим, самого бродяжьего вида: длинные жирные волосы, пожелтевшие зубы, грязная одежда.

«И почему все бандиты выглядят одинаково? У них что, есть какие-то свои правила, как на этих забавных приемах для знатных особ?»

Джез довелось побывать на паре таких балов, правда, перед этим пришлось убить кучу времени на наведение марафета. Да, не видать ей подруг среди благодородных барышень...

Слева в кустах раздалось шуршание, и оттуда показался второй бандит. Он подошел к первому и одарил девушку желтым оскалом.

— Твой волчара всегда чует хорошую забаву, — произнес второй мужик, такой же грязный бродяга, как и его товарищ.

Не то чтобы Джеззет могла назвать себя самой образованной и ухоженной в округе... По правде говоря, умыться совсем не помешало бы.

Она вздохнула. По своему опыту девушка знала, что у таких ситуаций обычно есть два исхода: либо драка, либо изнасилование, причем если драка закончилась не в твою пользу, тебя все равно отымеют. А двое на одного — расклад опасный независимо от ситуации. Черт подери, даже будь противник один, исход все равно совсем не очевиден.

— Ага, очень опасное место, — повторил длинноволосый, облизывая коричневым языком растрескавшиеся губы.

«Скажи что-нибудь умное, Джез».

— Вы живете где-то поблизости?

«О, очень умно. В следующий раз спроси, нравится ли им яичница».

— Она одна, — послышался голос сзади. — Я все проверил. Никого.

Джеззет повернула голову, чтобы посмотреть, кто там. Этот бандит оказался здоровенным лысым чернокожим боровом с крошечными, словно бусинки, глазками. Как она умудрилась не заметить его, было за пределами ее понимания.

Теперь соотношение сил стало три к одному — четыре, если считать волка, — и Джеззет это совсем не нравилось. Тут ты либо дерешься и рискуешь погибнуть, либо даешь себя оттрахать и получаешь поруганное достоинство и полный букет болячек. Она уже была почти готова раздвинуть ноги, когда ее правая рука нащупала меч и вынула его из ножен.

— Ха! — обрадовался второй бандит. — Люблю, когда они брыкаются, так их можно хорошенько отшлепать, прежде чем приступить к делу.

«Ну, по крайней мере, я знаю, что драка была верным выбором».

— Брыкаются? — рассмеялся хозяин волка. — Да ты посмотри на нее! Она же трясется как после недельной пьянки.

И он был прав. Дрожь всегда проявляется в самый неподходящий момент.

«Похоже, блеф здесь не поможет».

— Но ее все еще можно слегка покромсать, — отозвался второй, мерзко сверкая глазами.

— Говори что хочешь, Пол, — отрезал его товарищ, — я первый.

— Ты в прошлый раз был первым, — возразил второй.

— И снова буду.

Джеззет скинула заплечный мешок и повернула голову к гиганту за спиной. Всех троих держать в поле зрения сложно, но от этого типа девушку хотя бы отделяло небольшое расстояние.

— А ты разве не хочешь меня? — обратилась она к здоровяку. — Нравится тащиться в хвосте?

— Закрой пасть, шлюха! — прикрикнул длинноволосый, демонстрируя норы. — Он получает то, что нам не по вкусу. Еще одно слово, и первым будет волк.

— Да лучше уж волк, чем ты.

«Хорошо, Джек. Вот это действительно умно».

Бандит взревел и двинулся на нее, сжимая в руке короткий меч. Он замахнулся, но Джеззет ушла влево, одновременно делая выпад собственным тонким мечом. Враг на мгновение застыл, шатаясь, а затем рухнул замертво. Клинок вошел ему в шею и отделил череп от позвоночника.

Волк среагировал молниеносно — он бросился на Джеззет, оскалив зубы и утробно рыча.

— Черт! — вскрикнула Джеззет, снова отпрыгивая и отбиваясь от нападения.

Пес приземлился и тут же рухнул в кучу веток. Девушка понятия не имела, куда она рубанула, но, должно быть, задела что-то жизненно важное.

«Никогда раньше не билась с волком... или с медведем!»

Чернокожий гигант за это время успел подобраться почти вплотную и теперь замахивался на нее пудовым кулаком. Джеззет отскочила назад, прямо в ждущие объятия второго бандита. Его мускулистые руки крепко обхватили ее, а сама она слишком поздно поняла, что меч выскользнул и теперь валяется у ног. Раньше мужик не казался ей крупным, но на деле он с легкостью мог удержать ее одной левой.

— Теперь мой черед быть первым, — заговорил бандит за ее спиной; от его горячего дыхания на шее проступил пот, а отвратительный запах забил ноздри.

Бандит убрал одну руку и просунул ее между телом Джеззет и своим. Девушка почувствовала, как он воцелится с пряжкой ремня.

«Черта с два!»

Джеззет резко запрокинула голову и ощутила, как ее затылок встретился с носом мужика. Теплое и влажное разлилось по волосам, но бандит хватку не ослабил. Девушка снова ударила головой — и на этот раз была вознаграждена хрустом ломающейся кости и свободой. Медлить она не стала — перекатившись, подхватила

с земли свой меч и атаковала. Удар пришелся чуть ниже пояса, прямо в пах. Бандит завизжал от боли, его разбитое лицо исказила жуткая гримаса. Он дернулся и взмахнул руками, но следующий удар поразил его прямо в сердце.

Чернокожий здоровяк ошеломленно смотрел на происходящее. Джебзет одной рукой провела по волосам, и на ладони осталась кровь — по большей части из разбитого носа второго бандита, но жгучая боль говорила девушке, что часть принадлежит ей самой.

Гигант снял с пояса огромную деревянную палицу и с угрожающим свистом рассек воздух. Силы ему было не занимать. Джебзет прекрасно понимала, что даже один такой удар переломит ее, как сухую ветку.

— Полагаю, любовные забавы тебя больше не интересуют? — усмехнулась она.

«Давай, зли гиганта. Почему бы и нет?»

— Ты до них не доживешь.

— Это... Аргх! — только и успела сказать Джебзет: гигант, размахивая своим оружием, двинулся на нее.

Девушка плашмя рухнула на землю, и палица пронеслась у нее над головой. Оттолкнувшись ногами, Джебзет попыталась оказаться за спиной врага, но сапоги заскользили на листьях, и маневр не получился. А уже в следующую секунду тяжелый сапог врезался девушке в живот, подбросив ее в воздух. Джебзет успела взмахнуть мечом, прежде чем, приземлившись и кубарем прокатившись по земле, остановиться возле тела хозяина волка. Мертвым он вонял так же сильно, как и при жизни.

Гигант ухмыльнулся и шагнул вперед, но вдруг его ноги подкосились, а из глубокой раны на бедре хлынул поток горячей крови. Меньше чем через минуту он умер, крича и жадно хватая ртом воздух до самого последнего мгновенья.

«Да, сегодня в выборе между сексом и дракой победила драка».

Джебзет не потребовалось много времени, чтобы обыскать тела. Трупам деньги и еда ни к чему, а вот ей

быгодились. И лишь теперь она заметила, что у каждого правая рука была обмотана красной тканью. Они не были бандитами — они были солдатами; по крайней мере, эта деталь наводила именно на такую мысль.

«В округе есть только одно место, куда могли направляться солдаты... Пора предупредить его, Джек».

— Глазам своим не верю, Джеззет Вель'юрн. Сколько времени прошло? Всего неделя — и вот ты снова приползла ко мне.

Джеззет прошла через ворота, оценивая тяжелые створки и солдат, стоявших по обе стороны, а затем, сплюнув, принялась буравить взглядом мужчину перед собой.

«Быстрее скажешь — быстрее отсюда уберешься».

— Оставь это, Эйрик. Я здесь лишь для того...

— Конечно, мы могли бы найти тебе хорошее приращение, Джез, — с грязной ухмылкой заявил Эйрик. — Например, ты могла бы удалиться в мои покои, благо дорогу знаешь. Раздешься, приведи себя в порядок, а я скоро приду и займусь тобой.

«Шансы паршивые, но я, наверное, успела бы убить его прежде, чем его люди вырубят меня... Весь путь — коту под хвост».

Услышав за спиной скрип, девушка обернулась и увидела, как ворота с грохотом закрываются и солдаты с трудом задвигают тяжелый деревянный засов. Не хватало только застрять в этом чертовом форте.

— Открой ворота, Эйрик. Я не останусь. Просто пришла предупредить тебя о готовящемся нападении.

В мгновение ока ухмылка исчезла с красивого лица, сменившись хмурым выражением.

— Сколько их?

— Не знаю. Мне встретились лишь разведчики. Спросить у них возможности не представилось.

— Была слишком занята, убивая их?

Джеззет не ответила. Она лишь смотрела на хозяина маленького форта, пока тот жевал губу.

— Как далеко? — спросил он наконец.

— Я встретила их в лесу два дня назад. Полагаю, у тебя есть самое большее день. А теперь открой ворота. У меня нет никакого желания торчать где-то рядом...

— О, я не могу этого сделать. Не перед угрозой нападения, да, парни?

Стражники одобрительно загудели, даже не шелухнувшись, чтобы снять засов. Джеззет прожгла Эйрика взглядом.

— Я предупредила тебя, и вот так ты платишь мне за это?!

— Я никогда не просил тебя предупреждать меня о чем-либо, Джеззет. Никогда не нуждался ни в этом, ни в чем другом. — Эйрик с важным видом ходил вокруг нее, поигрывая широкими плечами под кольчужгой. — Но коли так, мне пригодится каждый меч, даже твой.

Джеззет окинула взглядом собравшихся на площади солдат. Двенадцать человек, все хорошо вооружены и обучены. Плюс еще три сотни или около того в форте, готовые выскочить по первой команде. Кроме того, ей самой не удалось бы поднять засов на воротах. По правде говоря, даже трем Джеззет это не удалось бы.

«Дерьмово, Джез».

— Ты останешься, сможешь нам отбить атаку, и я отпущу тебя на все четыре стороны, — снова расплылся в ухмылке Эйрик. — Ну а пока у тебя есть время привести себя в порядок, а я скоро к тебе присоединюсь.

«Драться или трахаться?»

Иногда, куда чаще, чем Джеззет хотелось бы, у нее просто не было выбора. Она еще раз сплюнула и глазами, словно смертоносными клинками, пронзила Эйрика, а потом зашагала в сторону зданий внутри форта, где располагались его покои.

«Твою мать!»

— Что это? — спросил Зеленый и уставился на Бетрима.

Тот пожал плечами и посмотрел на Мослака. Мослак открыл было рот, но тут же снова его захлопнул и перевел взгляд на Шустрого. Шустрый шумно втянул носом воздух и скосил глаза на Генри. Генри же просто плюнула, развернулась и отошла, попутно вычесывая что-то у себя за ухом.

— Ну и?.. — напомнил о себе Зеленый.

Он все еще таращился на Бетрима, как и практически все время с момента, когда Мослак просветил его, что Бетрим и Черный Шип — одно лицо. Это не добавило ночевке комфорта. Бетрим всегда спал очень чутко, постоянно держа руку на оружии, но теперь ему и вовсе приходилось дремать буквально с открытыми глазами.

— Откуда мне знать, Зеленый? — покачав головой, откликнулся Бетрим.

Находка, вокруг которой все собрались, была большой. Массивное серое тело, такая же серая голова, усеянный множеством мелких желтых зубов огромный рот с двумя здоровенными клыками на нижней челюсти. На морде виднелись глубоко посаженные крошечные черные глазки, а на макушке торчали маленькие круглые ушки. Лапы существа были короткими и толстыми, а хвост выглядел тонкой полоской плоти. Судя по всему, весить оно должно было не меньше, чем вся банда вместе взятая, а может, и больше.

Существо походило на огромную серую свинью с неправдоподобно большой пастью. Вероятно, тварь выползла из реки и тут издохла. А в том, что она мертва, сомневаться не приходилось — трупный запах говорил сам за себя. Над телом роились мухи — они жужжали, не смолкая, и лепились к разодранной плоти. Мертвое существо казалось большим, и Бетриму совсем не хотелось знать, насколько громадным было чудовище, которое так его отделало. На брюхе «свиньи» кра-

совались четыре глубокие рваные раны; сквозь них виднелись гниющие внутренности.

— Полагаю, на вкус оно как свинья? — вслух подумал Шустрый; он перестал пялиться на Генри и вновь сосредоточился на мертвом создании.

— Знаешь, мне неохота это выяснять, — сказал Бетрим и пошел прочь.

— Босс, ты знаешь, что это такое? — крикнул Зеленый.

— Или что с ним стало? — добавил Бетрим.

Босс не стал отвлекаться на тварь, а лишь остановил на Зеленом взгляд темных глаз на темном лице в обрамлении темных волос.

— Не важно, что это, — сказал он, и каждое слово сопровождалось блеском металла у него во рту. — Не важно, что с ним стало. Все отошли от реки и двинулись дальше!

Босс не казался испуганным, но Бетрим знал этого человека уже почти два года и давно уяснил, что даже если ему страшно, он этого никогда не продемонстрирует. Бетрим хорошо помнил их первую встречу. Не многим хватило бы смелости представиться Черному Шипу так, как это сделал Босс.

Бетрим сидел, цедил пиво, изучал последних оставшихся в таверне посетителей и гадал, кого из них будет проще ограбить. Он уже был готов сесть на хвост паре сухопарых, смахивающих на торгашей молодчиков, когда они ушли, а к нему подсел здоровый чернокожий ублюдок — невысокий, но, судя по мускулатуре, привыкший размахивать чем-то тяжелым. Бетрим потянулся было к спрятанному под столом топору, который отлично помогал справиться с типами, нарывающимися на драку, — как вдруг услышал свое имя.

— Есть работенка для тебя, Черный Шип, — сказал Босс и сверкнул улыбкой.

Именно металл привлек внимание Бетрима. Ему прежде доводилось слышать о людях, которые заменяют себе зубы железными, но видеть их — никогда. По-

этому он, выбросив из головы все прочие мысли, просто сидел и долго пристально смотрел на диковину.

Когда Босс прекратил улыбаться и снова заговорил, Бетрим молча выслушал его. Сказать, что он был поражен, — значит не сказать ничего. Здоровяк с дальнего юга с металлическими зубами подсел к нему и сказал, что собирает шайку самых матерых наемников и хочет, чтобы Черный Шип к ней присоединился. Имя Бетрима имело чертовски дурную славу в Диких Землях, а перед большими именами всегда открываются большие двери. Бетрим недолго обдумывал предложение и уже готов был послать южанина подальше, как вдруг...

— Эй, Шип! — костлявым пальцем Генри ткнула Бетрима под ребра и криво усмехнулась. — Тащи сюда Мослака.

Бетрим осмотрелся. Мослак все еще глазел на мертвое создание у реки. Все остальные уже тронулись с места и ушли далеко вперед.

— Ага, — кивком ответил Бетрим и пошел назад. — Мослак! — позвал он, подойдя ближе.

— А? — откликнулся здоровяк, оторвав взгляд от мертвой туши. Бетрим кивнул в сторону уходящих, и Мослак все понял. — Да, ты прав. Прости.

Мослак пошел в ногу с Бетримом, и уже не в первый раз Черный Шип восхитился его габаритами. Сам он коротышкой не был, но Мослак ростом превосходил его на целую голову и из-за этого постоянно сутулился. Тяжелый меч гигант легко вращал одной левой, словно деревянную игрушку, и даже Босс не мог одолеть его в рукопашной.

Но, несмотря на свои размеры, силу и тот факт, что всю жизнь он убивал людей, Мослак умудрялся быть ласковым, что твой щенок, и дружелюбным. Только его одного Бетрим мог назвать своим другом. Правда, Шип еще неплохо ладил с Генри, но ровно настолько, насколько вообще можно ладить с женщиной, которая во время первой же встречи тебя сначала поимела, а потом попыталась убить.

— Бедное создание, — раздался задумчивый голос Мослака. — Полагаю, личинки на нем попируют вдоволь.

— А еще львы, собаки, стервятники и бог весть какая речная живность.

Беянка была большой и глубокой — не как Йорл, но достаточно, чтобы скрывать в своих темных зеленых водах много всякой мерзости. Бетрим не любил воду, будь то реки, моря, океаны или даже просто колодцы. Никогда не знаешь, что ждет тебя там.

Они вдвоем молча шли позади остальных. Впереди Бетрим видел Генри — та крадущейся походкой следовала за Боссом — и Зеленого, который, развесив уши, слушал очередную историю Шустрого. Причем понять, выдумывает Шустрый или говорит правду, всегда было чертовски трудно. Бетрим предпочитал не верить ни единому его слову.

— Тебя все еще беспокоит арбитр в Коррале, Шип? — спросил Мослак, размеренно переставляя большущие ноги, — когда другие просто шли, он словно сваи вколачивал.

Бетрим прочистил горло и сплюнул. Далеко на юге такая растрата драгоценной жидкости считалась одним из самых страшных злодеяний, какие только мог совершить человек. Здесь же, в Диких Землях, это был просто плевок, и ничего больше.

— Постоянно. Людей вроде меня они всегда беспокоят. — Он чувствовал, как с каждым словом натягивается обожженная кожа на лице. Такое всегда происходило с ним, когда речь заходила об арбитрах. — Беда в том, что этот козел узнал меня. Прокричал мое чертово имя.

— Мы не оставили в живых никого. Некому о тебе рассказать.

— А как же хозяин? — сквозь зубы процедил Бетрим. — Надо было позволить Генри прикончить его.

— Здесь он нас никогда не найдет, — круговым движением руки Мослак обозначил раскинувшиеся вокруг равнины.

Они простирались во всех направлениях, насколько хватало глаз. Длинные и толстые стебли трав покрывали землю шепчущим морем зелени, которое колыхалось и рябило на ветру. Скоро сюда придут огромные толпы людей, чтобы разорить эту местность, превратить зеленое море в пыльную, бесплодную холмистую пустошь. И когда это произойдет, наступит раздолье для охотников — как на животных, так и на людей — и Коррал превратится в один из самых оживленных портовых городов во всех Диких Землях.

Выслеживать людей на равнинах проще простого. Куда бы ты ни пошел, везде оставишь за собой четкие следы, которые не заметит лишь слепой, а дым от костра виден за многие мили. Если арбитр надумал преследовать их, это не составит труда. Но нечего забивать гиганту голову такими мыслями.

— М-м, — протянул Мослак, и оба пошли дальше.

Здоровяк никогда не любил тишину, и Бетрим видел, что сейчас ему особенно трудно молчать.

— Как думаешь, когда Зеленый попробует тебя пришить?

Хороший вопрос. Шайка Босса всегда насчитывала шесть человек, и последние трое так или иначе пытались убить Бетрима, неизменно расплачиваясь за это кровью. И не было никого, кто выжил бы, чтобы потом об этом рассказать. Кроме Генри, но она — особый случай.

— Не раньше, чем отрастит яйца, — сказал Бетрим.

Мысль о торчащем из черепа Зеленого топоре вызвала у него улыбку. В конце концов, у мальчишки полный кошелек монет, которые так и просят, чтобы их потратили.

Бетрим проснулся от прикосновения и сразу же попытался нащупать оружие, но его рядом не оказалось. Было холодно, облачно и темно, но не настолько, чтобы не увидеть Генри, припавшую к земле и сжимавшую в руках его топор. Ее маленькое свирепое лицо зависло

прямо напротив его иссеченной шрамами физиономии, и она поднесла палец сначала к губам, затем к уху, а после указала налево. Бетрим нахмурился, забрал топор и прислушался. Лошади. Больше одной, но не много.

Он помрачнел еще сильнее и кивнул Генри. Та нависала над ним, так широко расставив ноги, что раньше у него кровь уже прилила бы к нужным местам, — но не теперь и не с Генри. Она подмигнула ему и двинулась будить Мослака, бесшумная, как кошка, и куда более смертоносная.

Пригибаясь низко к земле, почти ползком, Бетрим двинулся на звук. Меньше чем через сто футов он смог расслышать голоса, мягкие и тихие, едва громче шепота. Кроме того, он обнаружил Босса и Шустрого лежащими на холме и следящими за маленьким лагерем, где и стояли лошади.

Босс строго запретил разводить в пути костры, и теперь Бетрим был только рад. Когда по твоему следу идут всадники, в этом редко есть что-то хорошее. Он заполз на возвышенность и замер рядом с Боссом.

Всего в двадцати футах от них горел небольшой походный костер. Яркие языки пламени лизали наспех собранный вертел с насаженным на него некрупным животным. Бетрим не смотрел на свет — ночное зрение понадобится ему, если дело дойдет до резни. Он насчитал десять лошадей на дальнем краю лагеря. Похоже, их даже не стали привязывать. Они выглядели породистыми скакунами, только на вкус дорогая конина ничем не лучше конины дешевой, да и с ездой верхом у Бетрима никогда не ладилось. От всех этих скачек в седле одна лишь боль в промежности. Часть обитателей лагеря спала, другие собрались у вертела, а тот, кому полагалось стоять на страже, пялился в огонь. В темноте этот идиот дальше двух футов ничего не увидит.

Бетрим посмотрел на Босса и подал ему знак: «убить». Южанин несколько мгновений смотрел в ответ, размышляя, а после покачал головой. Двумя пальцами он указал на запад и кивнул. Бетрим пополз вниз,

а спустя пару секунд Босс последовал за ним. Шустрый некоторое время оставался на месте, не сводя глаз с лагеря, но затем присоединился к своим. Среди них он был самым быстрым и практически таким же бесшумным, как Генри.

Девушка ждала их у подножия холма, ее короткие волосы цвета пепла торчали во все стороны, шрам, как обычно, оттягивал вправо губу, создавая ощущение постоянной усмешки, а темные глаза следили за их приближением. Босс повторил свой сигнал двигаться на запад, и Генри кивнула, развернулась и последовала за остальными в сторону лагеря.

Вернувшись, они застали Зеленого за тем, что тот мочился на старый трухлявый пень. Малец тупо улыбнулся, несколько раз дернулся, а затем убрал член в штаны и, повернувшись к остальным, открыл было рот, чтобы заговорить. Босс схватил парня за грудки и притянул к себе, угрожающе качая головой. Зеленый не на шутку перепугался, и Бетрим прекрасно понимал почему. Черный Шип никогда бы этого не признал, но даже его Босс временами пугал. С силой оттолкнув Зеленого, южанин подобрал свой мешок и двинулся на запад. Генри злобно оскалилась и последовала за ним. Зеленый, вне всяких сомнений, довольный тем, что отлил до того, как Босс его сгреб, взял свои пожитки и зашаркал за ними, правда, благоразумно держа дистанцию.

Мослака Бетрим обнаружил сидящим на камне и наблюдающим за каким-то здоровенным жуком, которого он черт знает где нашел. Насекомое было размером с кулак Бетрима, причем с тот, что со всеми пятью пальцами, обладало блестящим черно-синим телом и торчащим из головы большим раздвоенным рогом. Существо ползло вверх по руке Мослака, а сам он казался более чем счастливым от созерцания этого, и глупая широкая улыбка расцвела у него на лице.

Понаблюдав за ним несколько мгновений, Бетрим подтолкнул Мослака ногой и кивнул на запад. Здравяк

кивнул в ответ, вскинул на плечи мешок и двинулся в путь, прихватив с собой гигантского жука. Бетрим постоял еще минуту, дожидаясь, пока соберется Шустрый. Наконец тот подобрал свои вещи, сверкнул Бетриму украденным кинжалом и пошел вслед за бандой.

Бетрим бросил последний взгляд в сторону тусклого оранжевого свечения в лагере всадников, которые чуть было на них не наткнулись. Он надеялся, что арбитра среди них нет. А после, прихватив свой мешок, медленно направился в ту же сторону, что и остальные.

Арбитр

Город Сарт. Столица Священной империи Сарт. Уже в который раз Танкуил поражался отсутствию воображения у людей, нарекавших столичные города по названиям королевств. Впрочем, ему хотелось верить, что у первых поселенцев на то были свои причины.

Это был прекрасный город: чистые улицы, высокие здания из белого мрамора, надежные стены с тысячами облаченных в белую форму стражников. Повсюду, за каждым поворотом, над окрестными строениями возвышались церкви, глядя на мирян сквозь стекла окон, расписанных картинами праведной славы. Город расчертили узкие каналы, наполненные кристально-чистой морской водой, по которым спокойно и неспешно курсировали длинные узкие лодки. Некоторые из них были полны товаров, доставленных черт знает откуда, другие — людей, которых везли черт знает куда. А экипажи третьих просто плавали в свое удовольствие, радуясь хорошему дню.

Сарт, город солнца. Порт, в котором дождь был редкостью, зато стояла постоянная жара. А в центре всего города к небесам возносился императорский дворец. Построенный из сияющего белого мрамора и стекла и обслуживаемый тысячами рабов, дворец с десятью шпилями являл собой драгоценную жемчужину Сарта.

Без сомнения, красивый город, но до тех пор, пока ты находишься в его богатых районах. Тем, кому не повезло поймать за хвост удачу или отличиться знатным происхождением, приходилось ютиться в трущобах. Деревянные лачуги, изредка — серые каменные здания официального назначения: казармы стражи, тюрьма, дома гильдий и тому подобное. Улицы забиты грязью и отходами, ни следа благородного мрамора, а патрулируют это все как стражники, так и карманники, причем почти в равных количествах. Попрошайки, воры, пьяницы, калеки, проститутки, бродяги, рабы и бандиты — и это не считая простых людей, изо всех сил старающихся вести честную жизнь. У Сарта было милое личико, но дорогое бальное платье скрывало тело сифилитичной шлюхи.

Танкуил предпочитал именно эти, беднейшие районы города. Они казались ему более настоящими, более честными. Среди преступников он чувствовал себя комфортнее, нежели в обществе купцов, которые обдерут тебя как липку, а потом будут доказывать, что еще сделали тебе одолжение. Но даже здесь, в трущобах, люди сторонились арбитра. Патрульные стражники протокольно кивали ему, а затем старались убраться подальше. Воры прятались в тенях и следили за ним зоркими глазами. Сплетники в его присутствии мгновенно затыкались и отводили взгляды. Все это смотрелось до безумия комично — как будто мракоборцам нечем было больше заняться, кроме как гонять мелких уголовников за их мелкие преступления или выпытывать у обывателей их далекие от ереси шальные страстишки. И все же было приятно — идти по центру улицы и видеть, как люди расступаются, освобождая тебе путь. Танкуилу хотелось ухмыльнуться, но это испортило бы весь образ.

— Они все уважают тебя.

Танкуил почти забыл про девочку. Она была тихим маленьким созданием, которое за целую неделю обронило всего несколько слов и лишь с интересом рассматривало арбитра, когда думало, что он не замечает.

- Они боятся меня. Это другое.
- Они будут бояться и меня тоже?

Танкуил остановился и повернулся к ребенку. Забавно было наблюдать, как людской поток обтекает их, словно вода — камни.

— Послушай... эм-м... девочка, — начал он.

— Фрейя.

— Точно, Фрейя. У тебя есть выбор. Я пообещал арбитру Прину доставить тебя в Сарт, и я сделал это. Ты здесь. Поздравляю.

— Я...

Танкуил прервал ее прежде, чем она успела договорить. Последнее, чего ему сейчас хотелось, — это спорить с девочкой.

— Но я не обещал доставить тебя в Инквизицию. Так что ты можешь прямо сейчас уйти и попытаться зажить нормальной жизнью здесь, в Сарте, — он не стал упоминать о том, что десятилетнюю малышку вроде нее в трущобах ждет жизнь короткая, болезненная и по большей части проведенная на спине, — или же пойти со мной, а я передам тебя наставникам.

— Арбитр Прин сказал...

— Уверен, арбитр Прин сказал тебе, что служба в Инквизиции — это праведное дело, что на тебя снизойдет небесный свет и что каждый твой день будет наполнен неземной благодатью. Он лгал. Обучение — это долгий, тяжелый и мучительный процесс, а в конце, если ты сумеешь получить ранг арбитра, тебя не ждет ничего, кроме одиночества, жестокости и крови. То, что тебя боятся, еще далеко не все. Посмотри вокруг. Ты видишь хоть одну улыбку, обращенную ко мне? Нет. Если ты выберешь путь арбитра, будь готова к этому.

— Всяко лучше, чем то, что было раньше, — возразила девочка, и в ее голосе зазвучали нотки непокорности — у десятилетнего ребенка, росшего без родителей в одном из приграничных городов, явно жизнь была непростой.

— Не будь в этом так уверена, — сказал Танкуил, всегда оставляя за собой последнее слово. — Сейчас я двинусь дальше. Выбирай: либо идешь за мной, либо просто уходишь.

Он развернулся и пошел вверх по улице. Несколько мгновений спустя девочка вновь оказалась у него за спиной. Ее глаза смотрели прямо, а на лице застыла мрачная гримаса. Вылитый арбитр.

— Добро пожаловать в Инквизицию, — сказал девочке Танкуил.

Та, разинув рот, в изумлении озиралась по сторонам. Богатство и пышность убранства поразили ее еще в тот момент, когда они впервые вошли в богатый район города. Но теперь ее глазам предстало истинное сердце Сарта — цитадель Инквизиции.

Танкуил никогда не был уверен: город сформировался вокруг Инквизиции или Вольмар избрал Сарт для ее основания. Впрочем, вряд ли теперь это имело значение. Зато он точно знал, что штаб-квартира Инквизиции производила сильное впечатление на любого, даже того, кто прожил здесь десятки лет.

Если Сарт по большей части сиял жемчужной белизной, то здания Инквизиции были, наоборот, словно вырезаны из черной скалы. Огромная крепость занимала центральное место, и ее единственная башня по высоте ничем не уступала императорскому дворцу, разве что не имела шпилей. Множество залов — для собраний, тренировок, трапез, хранения чего бы то ни было и любых других мыслимых целей. Бараки для прибывших арбитров, таких как Танкуил, кто редко возвращается домой, а большую часть своей жизни проводит в странствиях, искореняя ересь. Бесчисленное множество других строений, назначение которых всегда оставалось для Танкуила загадкой, теснилось на огромной территории, огражденной со всех сторон сорокафутовыми стенами.

— Я теперь буду здесь жить? — спросила девочка.

— Нет. Не сейчас. Новичков обучают за пределами города, но, возможно, тебя несколько дней подержат здесь — для проверок.

— Проверок?

— Выяснят, годишься ли ты, узнают, на что ты способна.

— Ох.

— Сюда.

Танкуил двинулся к одному из ближайших строений, где, как он помнил, обитали клирики и прислуга. Не будучи полноправными членами Инквизиции, они тем не менее лучше знали, что делать с девчонкой.

Вокруг по своим делам курсировали слуги, рабы и другие арбитры. Танкуила всегда поражало, сколько их можно встретить внутри крепости. В любое время в ее стенах находилась маленькая армия, словно арбитрам ничего больше не оставалось, как прохладиться здесь, в относительном спокойствии и комфорте, когда в мире еще столько ереси.

Танкуил распахнул дверь строения и шагнул внутрь. Там за деревянным столом восседал старый клирик, которого арбитр знал даже слишком хорошо.

— Арбитр Даркхарт, — язвительно произнес старик.

— Клирик Доник, — официальным тоном отозвался Танкуил.

— Старший клирик Доник.

— Да, по тебе видно, что старший, — сказал Танкуил и не соврал. Доник был высоким, худым, морщинистым человеком, уже лет двадцать как лысым и с перекошенным на левую сторону лицом.

— Как обычно, ни капли уважения, арбитр Даркхарт, — парировал старик.

— Уверяю, старший клирик Доник, я испытываю глубочайшее уважение ко всем, кто этого заслуживает.

Звук, вылетевший изо рта клирика, отдаленно походил на рык.

— Привел нового рекрута. Она очень способная, — с улыбкой сказал Танкуил и слегка подтолкнул девочку в спину; та, чуть не оступилась.

Доник поднялся из-за своего стола, громко хрустнув коленями, и подошел ближе к ребенку. Старик несколько мгновений пристально изучал Фрейю, словно мог рассмотреть ее способности, а затем кивнул.

— Я заберу ее, арбитр, — сказал он и отошел на несколько шагов, прежде чем повернуться к девочке и жестом приказать ей следовать за ним.

Дитя посмотрело сначала на клирика, потом перевело взгляд на Танкуила, а потом обратно на клирика. На лице читался испуг. Танкуил несколько секунд пытался бороться со своей совестью, но попытка с треском провалилась.

— Фрейя, — сказал он, и девочка повернулась к нему.

Бедный ребенок был на грани паники. Танкуил сунул руку в один из своих карманов, и пальцы его нащупали небольшой металлический кругляш с прикрепленной к нему серебряной цепочкой. Он вынул кулон из кармана и вложил его в руку девочки, надеясь, что клирик не придаст этому особого значения.

Фрейя посмотрела на украшение, а другой рукой потрогала шею, убедившись, что это ее кулон. Она даже не заметила, как Танкуил снял его.

— Спрячь это, и спрячь хорошенько, — прошептал арбитр. — Если его найдут, то заберут.

— Спасибо тебе, — поклонилась девочка.

— Не благодари, — сказал Танкуил куда более мрачно, чем ему самому хотелось. — И уж точно никогда не благодари арбитра Прина. Если ты думаешь, что он оказал тебе услугу, попросив меня доставить тебя сюда, то знай — он проклял тебя.

— Не понимаю.

Танкуил хмыкнул:

— Еще поймешь. А теперь иди. Лучше не заставляй старшего клирика Доника ждать — у него жестокий характер.

Снаружи Танкуил нашел свою лошадь, которая встретила его осуждающим взглядом. Он, может, и ответил бы кобыле, но последнее, чего ему хотелось, так это чтобы другие арбитры видели его разговаривающим с клячей. Поэтому он просто двинулся в сторону конюшни, а животное последовало за ним, тихое и покорное.

В крепости Инквизиции арбитрам вроде Танкуила делать было практически нечего. Отчасти именно поэтому он решил странствовать, вместо того чтобы осесть здесь. Даркхарт отвел свою низенькую лошадь в стойло, свалил пожитки на первую попавшуюся свободную койку, быстро посетил столовую и отправился бродить по территории крепости.

Во внутреннем дворе Танкуилу пришлось столкнуться с еще одной причиной своего решения: косые взгляды, тихое перешептывание, кивки в его сторону и полные драматизма лица тех, кого он должен был считать своими братьями и сестрами. Даже спустя двенадцать лет путешествий по миру, искоренения зла и очищения еретиков он все равно оставался изгоем.

— Я слышал, ты вернулся, Танкуил.

Даже не узнай он самого голоса, только один человек во всей Инквизиции называл его по имени.

— Кош, — улыбнулся Даркхарт, и они пожали друг другу руки. — Не ожидал увидеть тебя здесь. Там, снаружи, знаешь, целый мир.

— Это да, но тебе не стать инквизитором, если не будешь проводить некоторое время здесь. Сейчас я несущу стражу, вот уже почти год. Трудно представить себе работу более скучную, но я верю, что в один прекрасный день за нее мне воздастся сторицей.

Кош начал свое обучение в то же время, что и Танкуил, и выпустились они тоже одновременно. Он был немного выше и к тому же шире в плечах, волосы у него были не темно-каштановые как у Танкуила, а светлые, и шрамов несравнимо меньше. Более того,

многие шрамы Танкуилу оставил именно Кош во время их поединков.

— Что привело тебя обратно? — спросил Кош.

— Прошло уже три года с тех пор, как я был здесь в последний раз, — ответил Танкуил, потирая горбинку на носу — напоминание о том, как Кош сломал его много лет назад.

— А, трехлетний отчет. Инквизиторов хлебом не корми, а дай убедиться, что ты не сбился с пути истинного.

— Ага. Не сомневаюсь, они найдут какой-нибудь богом забытый уголок мира и отправят меня туда. Чего только не сделаешь, лишь бы держать паршивую овцу подальше от стада.

— К слову, ты пропал где-то три года, а у нас тут объявился новый «золотой парень», — Кош кивнул в сторону группы молодых арбитров, — тот, что в середине. Выпустился после шести лет в ранге посвященного.

— Шесть лет... Никто еще не был столь хорош.

— Быстрее любого другого, но он это заслужил.

Пока Кош говорил, арбитр отделился от своей компании, двигаясь напрямик к Танкуилу.

— Он лучший, — продолжал Кош. — Его зовут Хирон Вэнс.

— Сын инквизитора Вэнса, — покачав головой, сказал Танкуил. — Полагаю, это многое объясняет.

Арбитр Вэнс прошел мимо Танкуила, направляясь либо в обеденный зал, либо в бараки, либо куда-то еще. Прекрасно. Танкуил совсем не горел желанием привлечь к себе внимание сына великого инквизитора.

— Должно быть, хорошо, когда тебя с рождения кормят с серебряной ложечки.

Казалось, что это сказал кто-то другой, но его голосом, и Танкуил прикусил свой предательский язык.

Арбитр Вэнс остановился, обернулся и посмотрел на Даркхарта. Он был выше — как, впрочем, и большинство других людей, — не тощий, но и не мускулистый.

Плащ и одежда под ним поражали безукоризненной чистотой. У Вэнса-младшего были короткие волосы, а еще от него пахло так, как может пахнуть только от библиотекарей. Библиотекарей, которые, возможно, по ночам обращаются в охотников за головами. Но хуже всего были его глаза. Желтые глаза. Танкуил никогда таких не видел. Сказать, что это нервировало, — значит не сказать ничего, но он сумел не отвести взгляда.

— Не верю, что мы встретились, — спокойным голосом произнес Вэнс. Ему хватило высокомерия, чтобы не показать, как его задело слова Танкуила. — Арбитр Даркхарт?

— Арбитр Вэнс, — кивнул Танкуил, все еще коря себя за несдержанность.

— Боюсь, у меня назначена встреча с отцом, — подвел черту Вэнс. — Мы можем поговорить позже, арбитр Даркхарт.

— Да.

Вэнс формально попрощался, развернулся и ушел. Танкуил заметил, что парень не носит оружия. Большинство арбитров всегда имели при себе меч или другой клинок, кто-то был обладателем уникальных образцов, как Кош с его двойными ручными косами, но у Вэнса на поясе висела на цепи лишь книга с металлическими застежками.

— Неловко получилось, — выдержав паузу, сказал Танкуил.

— И почему тебе вечно нужно ввязываться в конфликты с самыми сильными соперниками? — качая головой, буркнул Кош. — Ты же знаешь, однажды он станет инквизитором...

— Странные глаза, — задумчиво протянул Танкуил, прервав друга.

— Он обладает видением. Говорят, досталось ему от матери.

— Его мать ведьма?

— Была ведьмой. Умерла при родах.

— Это мало что меняет, — вздохнул Танкуил. — Почему тогда на него не повесили имя типа «Даркхарт»?

— Потому что его отец — великий инквизитор Артур Вэнс, — пояснил Кош. — Пойдем. Пока ты еще куда-нибудь не влез, лучше давай напьемся в хлам. Я знаю отличное местечко, совсем недалеко отсюда, с крепким алкоголем и нежными чистыми женщинами. Ах да, и я хочу обратно свое кольцо.

Танкуил покопался в карманах и вынул на свет простое золотое кольцо. Подержав немного, он убрал его обратно, при этом даже не извинившись, — у них с Кошем извинения давно потеряли всякий смысл.

— Тебе следует чаще выбираться в мир, Кош. Чистоту нынче переоценивают.

Мастер Клинка

Джезет никогда не относила себя к типу женщин, смиренно сносящих неприятности. Но иногда смирение — лучший выход из положения. И сейчас она смиренно лежала на спине и смотрела в деревянный потолок, придав лицу настолько скучающее выражение, насколько это вообще возможно. Эйрик же, напротив, даже не пытался скрывать своего удовольствия. Он растянулся на ней, голый, словно младенец, ритмично двигаясь и явно упиваясь влажным хлюпаньем и мягким трением двух тел.

Красавчик-командующий напористо выдыхал при каждом толчке, и его длинные рыжие волосы ниспадали волной и щекотали лицо Джек. По правде говоря, все было не так уж плохо: в этом деле Эйрик был, несомненно, хорош, и Джезет наслаждалась процессом, хоть и не желая, чтобы он об этом знал. Только вот ее предательское сердце начинало биться все чаще, дыхание становилось жарким и глубоким, а знакомая приятная боль между ног заставляла кусать губы.

Восхитительная и в то же время пугающая дрожь удовольствия прошла по ее телу, от промежности вверх, из

груди вырвался протяжный гортанный стон. Стало тяжело дышать.

«Дьявол!»

Она чувствовала, как подходит к кульминации, и этого ей сейчас хотелось меньше всего.

А затем Эйрик резко вдохнул, напрягся всем телом и остановился, открывая и закрывая рот, словно рыба на сухом песке. Джекзет такое уже видела раньше. Снова она получила свое, хоть этот раз ей чуть было не понравился по-настоящему.

Здоровяк-командующий обрушился на нее, своим весом нещадно вдавив в кровать, и скатился на бок, тяжело дыша и довольно посмеиваясь. Оба они были разгоряченными, вспотевшими, а теперь и пропахшими сексом. Останься у Джекзет хоть капля гордости, она бы давно уже возненавидела себя.

«Подолок держит меня здесь как какую-то рабыню. Надо было убить его много месяцев назад».

Девушка схватила конец простыни, провела между ног и швырнула запачканную ткань Эйрику.

— На, можешь получить обратно, — проворчала она.

Здоровяк рассмеялся, низко и звучно, отчего все его тело, а вместе с ним и кровать задрожали.

— Не будь такой, Джекзет. Я знаю, что тебе это нравится. Иначе зачем тебе постоянно возвращаться?

Этим вопросом Джекзет задавалась последние десять минут. Трижды она уходила из болотного форта, и каждый раз что-то приводило ее обратно. В первый раз это была еда, вернее, ее отсутствие, — девушка попросту не взяла ее с собой. Вообще, она была уверена, что уложила провизию, но при проверке свертка не оказалось, так что пришлось, поджав хвост, волочить ноги обратно, чтобы раздвинуть их перед Эйриком. Во второй раз Джекзет продержалась почти неделю, прежде чем наткнулась на охотника за головами с бумагой, гласящей: «Живой или мертвой...» Портретным сходством едва ли пахло, но девушке хватило глупости назваться охотнику по имени. Ублюдок гнался за ней до самого форта. Эйрик впустил

ее, а охотник превратился в подушечку для булавок. Джеззет осталась еще на месяц.

«Не в этот раз, Джез. Я выберусь отсюда при первой же возможности. Просто сначала помогу ему сразиться с маленькой армией. Проще простого».

Тут она поняла, что Эйрик пялится то на ее лицо, то на грудь. Она слишком долго сидела молча, и ему наскучило ждать. Лицо рыжего расплылось в ухмылке, когда он попытался схватить Джез за руку. Грациозно, словно кошка, она выскользнула из постели и из его готовых сомкнуться объятий. Пройдясь по комнате, девушка открыла скрипучую дверь ровно настолько, чтобы высунуться и осмотреться. Полусонный стражник повернул голову и посмотрел на нее.

— Приготовь воду. Горячую, — приказала Джез. Взгляд стражника соскользнул с ее лица, пытаясь увидеть больше, но тело девушки скрывала дверь. — Быстро!

Она с грохотом захлопнула створку и развернулась, гневно раздувая ноздри. Эйрик продолжал любоваться ею, вода глазами вверх и вниз, но вдруг остановился. Он снова смотрел на ее шрамы. Инстинкт заставлял девушку каждый раз реагировать, отводить глаза, прикрывать грудь руками. Она ненавидела себя за это.

— Любовные игры в воде — прекрасная штука. Не могу дождаться, — заговорил Эйрик.

— Это не для тебя. Мне нужно смыть твои прикосновения. Ты только помешаешь, — отрезала Джез ледяным тоном, до боли сжимая зубы.

— А ты суровая госпожа, Джез.

— Я тебе не госпожа. А теперь проваливай! — приказала девушка командующему форта в его собственных покоях.

Эйрик демонстративно пожал плечами, а затем поднялся, собрал свою разбросанную одежду и двинулся к двери. Остановившись рядом с Джез, он вытянул руку и взял ее за грудь. Медленными круговыми движения-

ми большим пальцем лаская сосок, он расплылся в похотливой улыбке. Она же грозным взглядом буравила его ухмыляющееся лицо, чувствуя, как сосок твердеет. Эйрик тоже это почувствовал и жадно оскалился.

— Тогда до скорого, Джек. — С этими словами он отпустил ее грудь и вышел за дверь, даже не соблаговоллив прикрыть наготу.

Когда дверь за ним закрылась, Джек сплюнула. Густой комок слизи плюхнулся на деревянный пол и начал медленно просачиваться в щель между досками. Громко вздохнув, Джеззет села на край кровати и стала ждать.

Снаружи гулял холодный ветерок, и это было прекрасно. Джеззет вымылась настолько тщательно, насколько смогла, снова надела свою грязную кожанку и решила прогуляться вдоль стен маленького форта. Судя по всему, удрать в ближайшее время шансов не было. Солдаты и наемники следили за тем, как она проходит мимо них. Высоким ростом Джеззет не отличалась — большинство здешних мужчин были выше ее. Она была худой, но не тощей и в достаточно хорошей физической форме, чтобы махать мечом, — спасибо тренировок. Она знала, что у нее очень милое лицо, которое портил лишь крохотный рубец под правым глазом. Черные волосы она стригла по-мальчишески коротко. В целом людям в форте, похоже, нравился такой тип внешности. Конечно, за исключением нескольких других представительниц ее пола.

Всего в форте обитали еще десять женщин, и все они, так или иначе, были шлюхами. Некоторые из них жили здесь еще до того, как форт захватил Эйрик, — для них это был дом, где их кормили и где им платили вне зависимости от того, кто стоял у власти. У некоторых даже были дети, постоянно мешавшиеся у них под ногами, — эти женщины не могли себе позволить оберечь либо просто не захотели ждать, пока его сделают. Джеззет купила свой двенадцать лет назад и тогда же сдела-

ла все, чтобы никто не смог его снять или украсть, — вшила его себе под кожу. Так что мужчины улыбались ей, а шлюхи презрительно фыркали, словно она пыталась отнять у них работу.

«Они должны быть счастливы. Когда я рядом, работы им, наоборот, прибавляется. Просто мужики представляют не их», — с горькой ухмылкой подумала Джеззет, чувствуя на себе враждебные взгляды.

Свежий ветерок бодрил. Он щекотал кожу, заставлял краснеть щеки и перехватывал дыхание. Это было по-своему приятно, но за ним крылось еще кое-что. Холод в здешних краях предвещал дожди, иногда даже ураганы.

Пока Джеззет бродила по форту, солнце постепенно опускалось за горизонт, уступая темноте. Солдаты зажгли лампы, и все пространство озарилось теплым желтым светом. Это и фортом назвать было трудно. Строения по большей части деревянные: жилые комнаты для служивых и шлюх, бараки для остальных, трапезная, хранилище припасов, арсенал. В центре площади находился колодец, а всю территорию окружали стены высотой тридцать футов, составленные из толстых крепких бревен, врытых в землю. Высоких деревьев в этих местах хватало с избытком.

Эйрик назывался командующим лишь потому, что три сотни людей подчинялись ему. По сути, он был простым бандитом, которому удалось взять штурмом этот форт пару лет назад. Люди последовали за ним, большим голосистым красавчиком, умеющим махать мечом, — так он собрал свою армию, захватил форт и теперь командовал им, получая мзду от местного губернатора — какого-то высокородного хлыща — за защиту его земель. Джеззет это совершенно не заботило.

Насколько она знала, Эйрику до сих пор не приходилось защищаться от нападений. Время от времени он брал несколько сотен всадников и устраивал набеги на поселения в соседних провинциях, но самого его никто не атаковал. Джеззет понятия не имела, сумеет ли Эй-

рик оказать сопротивление решительно настроенному врагу, и не горела желанием узнавать это. К сожалению, она оказалась заперта здесь, и у нее просто не осталось выбора, кроме как сражаться вместе с ним. Потому что если Эйрик каким-то образом умрет, не факт, что следующий командир форта вообще позволит Джекз уйти.

«Придется держаться рядом, когда начнется заварушка, и не давать ему погибнуть. А уже потом, если он меня не отпустит, я убью его».

Главной проблемой фортификаций такого размера, как оказалось, была скука. Когда вокруг ничего не происходит, здесь просто нечего делать.

В воздухе висело нервное напряжение. Без сомнений, к этому моменту новость о предстоящей битве разлетелась по всему форту, но пока что стояла тишь. На протяжении последней пары месяцев в таких ситуациях Джекзет направлялась в покои Эйрика, где он ее уже ждал, чтобы предаться сексу. Но сейчас этого ей хотелось меньше всего, да и Эйрик наконец-то был занят тем, что руководил своими людьми.

Джекзет решила пройтись по укреплениям. Два лестничных пролета вели на деревянную платформу, протянувшуюся по всему периметру форта в четырех футах от верхнего края стены. Через каждые пять шагов располагались бойницы для лучников. Всюду, куда ни посмотри, платформу наводняли люди. Похоже, все три сотни бойцов Эйрика были здесь.

Отсюда, с западной стороны, Джекзет видела одни лишь деревья — темные очертания на фоне гаснущего неба. Рыжий лес — так его называли за цвет листвы — простирался во все стороны на много миль и служил границей между двумя провинциями. Еще три дня назад Джекзет шла по этому лесу, а значит, враг вполне может появиться с запада. Массив протянулся еще и на север, к закрытым воротам — врагу придется напасть там, чтобы предотвратить контратаку или бегство. На юге лежали равнины и в трех днях езды — город Бесвит,

а на востоке высились горы, старая дорога к которым давно стала совершенно непроходимой. Если враг и атакует, то только из леса.

— А что это здесь делает шлюшка шефа? — резанул по ушам скрипучий голос. Джеммет знала этого человека, ветерана нескольких битв, наградивших его множеством шрамов по всему лицу, — ей только раз довелось увидеть более уродливого человека. — Что, одиноко стало, да? Нужна компания?

«Ты можешь убить его, Джем». И это было правдой. Всего один молниеносный взмах мечом, будто бы он даже не покидал ножны, — никто не успеет сообразить, что произошло, а мужик будет валяться со вспоротым горлом. Конечно, остальные солдаты вряд ли обрадовались бы такому повороту, и поэтому Джеммет ощущала чертову раздражающую дрожь в руке.

— У тебя нет ничего, что могло бы мне быть интересно, — сказала она, выдав свою самую презрительную усмешку.

— У меня есть все, что тебе нужно.

Ветеран стоял достаточно близко, чтобы чувствовался исходящий от него запах. Редко когда Джеммет доводилось нюхать что-либо хуже.

— Да брось, все же знают, что нет. Эйрик сам говорит, что ты евнух, и все девочки с ним согласны.

Слова девушки вызвали взрыв хохота со стороны остальных солдат, а вонючий урод-ветеран стал пунцовым от гнева. Джеммет всегда умела доводить до белого каления не тех людей.

— Я тебе докажу, сука, что у меня все как надо. Иди сюда!

Мужик потянулся было к штанам, но вдруг замер, с озадаченным видом и стрелой в черепе. Несколько секунд он еще покачивался на ногах, а затем свалился с площадки и мешком рухнул на землю. На мгновение солдаты ошарашенно застыли на месте. На мгновение и Джеммет ошарашенно застыла на месте.

— Что за чертовщина? — закричал один из мужчин возле нее, и все, включая Джеззет, в едином порыве прильнули к стене как раз в тот момент, когда на них обрушился дождь стрел.

Большая часть ударила в древесину и застряла там, некоторые закончили свою смертоносную дугу где-то внутри форта. Две достигли цели, и еще двое мужчин упали — один вопил, пытаясь выдернуть древко из плеча, второй же умер мгновенно и перевалился через стену всего в двух шагах от Джез.

— Черт! — выругалась она, скрючившись под стеной.

Любая битва куда опаснее даже самой жестокой драки. Никогда не знаешь, откуда тебя настигнет смертельный удар. Друзей не отличить от врагов.

Не она одна укрылась здесь — все люди вокруг сделали то же самое, прячась от обстрела. Улучив момент, Джеззет выглянула из-за стены и увидела, что лучники отходят обратно в лес, громко выясняя, на чьем счету первые смерти. Но все внимание Джез привлекло то, что показалось на границе леса.

Факелы. Сотни огоньков, каждый из которых нес человек, и с каждой секундой их становилось все больше и больше. У Джез никогда не было особенно хорошо со счетом, но даже ей стало яснее ясного, что маленькая армия Эйрика проигрывает числом.

«Или ты дерешься, или тебя имеют. Опять...»

Арбитр

Нохмелье — это когда с утра кажется, что твой мозг распух вдвое и череп теперь адски жмет. Паршивое начало дня, и этот раз исключением не стал. Алхимики и травники всего мира наплодили массу всевозможных панацей от боли, тошноты и этого странного ощущения, словно твое сознание парит где-то отдельно от тела, — только вот все эти средства редко помогали. Инквизиция давным-давно изобрела собственное лекарство. Негоже, когда из-за похмелья арбитр не в состоянии вы-